

Новицкий Василий Федорович

**По странам полуденным.
Путевые очерки Египта,
Цейлона и Индии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Федорович Н.**
По странам полуденным. Путевые очерки Египта, Цейлона и Индии / Новицкий Василий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 215 с.

ISBN 978-5-521-25407-1

ISBN 978-5-521-25407-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I. На пути въ Египетъ.

Морозный, январьскій вечеръ... На платформѣ громаднаго, шумнаго вокзала—группа лицъ, собравшихся сюда проводить меня и пожелать мнѣ счастливой дороги. Поѣздъ уже поданъ, публика толпится около вагоновъ, носильщики мечутся съ чемоданами, ручныя багажныя телѣжки съ визгомъ проносятся въ обѣ стороны, а величественныя и серьезные фигуры станціонныхъ жандармовъ уже приближаются къ вагонамъ...

Вотъ и второй звонокъ. Я снимаю шляпу и начинаю прощаться; нѣкоторые изъ провожающихъ съ такимъ участіемъ и сожалѣніемъ глядятъ на меня, что мнѣ на минуту кажется, что я собираюсь предпринять что-то чрезвычайно опасное. Да и то сказать, вѣдь я покидалъ Петербургъ, чтобы отправиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ Индію! Чума, голодающіе индусы, разбои горцевъ на сѣверо-западной границѣ, тропическая жара, москиты, змѣи и, наконецъ, подозрительность англичанъ. Сколько серьезныхъ причинъ для всевозможныхъ тревогъ и опасеній!

Еще 2—3 минуты и я нахожусь уже въ вагонѣ; стоя у обсыпаннаго снѣгомъ окна, я киваю провожающимъ меня, которые тѣсною группой придвинулись къ вагону. До свиданья, до свиданья! Поѣздъ начинаетъ двигаться, быстро ускоряя свой ходъ; мимо меня проносятся освѣщенные окна вокзала, мелькаютъ фигуры жандармовъ, желѣзнодорожныхъ агентовъ и публики, провожающей поѣздъ. Затѣмъ видны по сторонамъ дороги многочисленные огни городскихъ предмѣстій, мелькаютъ цвѣтныя фонари на рельсовыхъ путяхъ, но, наконецъ, все это исчезаетъ и поѣздъ погружается во мракъ, сквозь который едва можно различить безбрежную равнину, покрытую снѣгомъ.

Вагонъ, въ которомъ я находился, былъ прямого сообщенія отъ Петербурга до Одессы и такъ какъ мнѣ пред-

стояло провести въ немъ двое сутокъ, то я и старался устроиться здѣсь съ возможнымъ удобствомъ.

Переѣздъ до Одессы прошелъ для меня весьма скучно; общество въ нашемъ вагонѣ состояло изъ какихъ-то мрачныхъ пассажировъ, не поддававшихся на разговоры и если-бы не офицеръ, возвращавшійся изъ отпуска въ полкъ въ Винницу, да не акцизный чиновникъ, ѣхавшій куда-то въ Волынскую губернію, то пришлось-бы всю дорогу спать, что, конечно, тяжело даже въ путешествіи. Офицеръ съ акцизнымъ чиновникомъ составляли мнѣ компанію въ вылазкахъ въ станціонные буфеты, и время отъ времени мы вели между собой бесѣды, направленные къ осужденію установившихся на желѣзныхъ дорогахъ порядковъ; но когда я разстался съ офицеромъ въ Винницѣ, а съ акцизнымъ чиновникомъ въ Жмеринкѣ, то мнѣ стало еще скучнѣе и я почувствовалъ, что теперь обреченъ на молчаніе уже вплоть до Одессы.

Чѣмъ дальше спускались мы къ югу, тѣмъ становилось все холоднѣе и холоднѣе; отъ Ровно толщина снѣжнаго покрова стала сильно увеличиваться и здѣсь-же закрутила метель, сопровождавшая насъ почти цѣлый день; однако, около Одессы вѣтеръ утихъ, снѣгъ на поляхъ лежалъ уже тонкимъ слоемъ, сквозь который мѣстами просвѣчивала черная земля и небо подавало надежды на проясненіе.

Наконецъ и Одесса. Грязный, шумный вокзалъ, комисіонеры гостиницъ, выкрикивающіе съ сильнымъ еврейскимъ произношеніемъ ихъ названія, давка, толкотня...

Розыскиваю комисіонера гостиницы, рекомендованной мнѣ еще въ Петербургѣ, получаю вещи изъ багажа и уѣзжаю съ вокзала. Черезъ четверть часа я сижу въ чистомъ номерѣ возлѣ самовара, выбрасывающаго съ шипѣніемъ большіе клубы горячаго пара и отдыхаю отъ двухсуточной тряски въ вагонѣ.

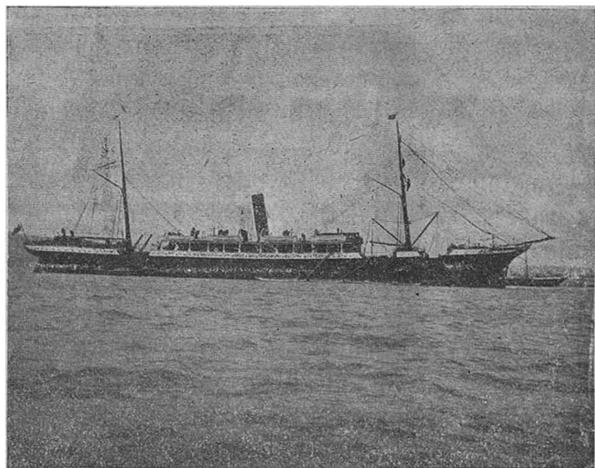
Весь слѣдующій день послѣ моего приѣзда былъ посвященъ мною на приготовленія къ отъѣзду за границу. Я побывалъ въ турецкомъ консульствѣ, гдѣ визировалъ свой заграничный паспортъ, и заѣзжалъ въ великобританское, но здѣсь мнѣ отвѣтили, что въ британскихъ владѣніяхъ не

существуетъ паспортовъ, а потому нѣтъ надобности визировать и русскаго. Съѣздивши въ Карантинную гавань въ агентство русскаго общества пароходства и торговли, я за-
пасся билетомъ до Александріи. Общество это поддержива-
етъ постоянныя сообщенія между Одессой и Египтомъ, от-
правляя еженедѣльно по одному пассажирско-грузовому
пароходу съ обоихъ концовъ. Пароходы слѣдуютъ на Кон-
стантинополь, Смирну и Пирей въ Александрію. Иногда они
заходятъ и на островъ Критъ.

Хотя въ Одессѣ имѣется очень много банкирскихъ
конторъ, какъ приличествуетъ городу съ крупной торго-
влей и большимъ количествомъ евреевъ, но къ моему уди-
вленію ни въ одной изъ нихъ не оказалось англійскихъ
денегъ. Впрочемъ, я былъ настолько предусмотрителенъ,
что почти всѣ свои деньги обмѣнялъ на англійскія бумаги
еще въ Петербургѣ, почему въ Одессѣ у меня оставалось
русскихъ денегъ лишь рублей на 200, которые удалось обмѣ-
нять на британское золото у какого-то мѣнялы еврейско-армян-
скаго вида, расположившагося со своимъ столикомъ на бой-
комъ мѣстѣ, на углу Дерибасовской и Ришельевской улицъ.

18 января, рано утромъ, я отправился на пристань и
доѣхалъ до парохода „Императоръ Николай II“, уже совер-
шенно готоваго къ отплытію. Какіе-то два оборванца, изо-
бражавшіе изъ себя носильщиковъ, схватили мои вещи и
понесли ихъ къ пароходу, но здѣсь ихъ прогналъ какой-то
третій субъектъ, болѣе приличнаго вида и, завладѣвъ мо-
ими чемоданами, снесъ ихъ въ каюту. Важный и суровый
на видъ жандармъ, ходившій по палубѣ парохода, пригла-
шалъ пассажировъ предъявлять свои паспорта, которые осма-
тривались, штемцеливались и записывались въ книгу тремя
жандармами, сидѣвшими въ небольшой будкѣ на берегу.
Пассажиры быстро прибывали одинъ за другимъ, распредѣ-
ляясь по каютамъ, закрытый уже люкъ необъятнаго трюма,
скрывавшаго въ своихъ нѣдрахъ несмѣтные грузы, покры-
вался темнымъ брезентомъ, по палубѣ пробѣгали матросы,
суется въ послѣднихъ приготовленіяхъ къ отъѣзду, а жан-
дармы въ послѣдній разъ обходили каюты, провѣряя пас-
порты, какъ будто бы стараясь предупредить отъѣздъ за-
границу какихъ либо важныхъ преступниковъ.

Послѣ третьяго свистка машина зашумѣла, пароходъ слегка дрогнулъ, качнулся въ одну, въ другую сторону, но остался на мѣстѣ; машина замолкла. Спустя минуту она опять пошла въ ходъ, но мы попрежнему стояли неподвижно. Капитанъ что-то кричалъ съ мостика, матросы бѣжали по палубѣ; оказалось, что пароходъ не можетъ тронуться съ мѣста, будучи скованъ льдомъ, сплошь покрывавшимъ воду на большомъ пространствѣ вокругъ парохода. Пришлось прибѣгнуть къ помощи легкаго буксирнаго пароходика „Полезный“, который пыхтѣлъ около часа, стараясь сдвинуть насъ съ мѣста. Наконецъ, въ 11 часовъ утра пароходъ тронулся и началъ медленно пробиваться въ льдинахъ къ открытому морю. Еще полчаса, и заполненная льдами гавань осталась уже позади, а за нею и городъ, быстро удалявшійся на горизонтѣ.

1. Пароходъ „Императоръ Николай II“.

Пароходъ „Императоръ Николай II“ принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли, онъ имѣетъ 7,885 тоннъ водоизмѣщенія, одну машину въ 3,400 индикаторныхъ лошадиныхъ силъ и одинъ винтъ. На немъ имѣется 103 пассажирскихъ мѣста,—менѣе чѣмъ на большихъ пароходахъ того-же об-

щества, совершающихъ рейсы по крымско-кавказской линіи, но зато онъ приспособленъ къ перевозкѣ весьма большихъ грузовъ. Каюты I-го класса обставлены роскошно, II-го хорошо, а для палубныхъ пассажировъ имѣется крытое помѣщеніе. Класныхъ пассажировъ было всего человекъ 12, изъ коихъ 4 оказались иностранцами; одинъ изъ послѣднихъ — блѣдный, больного вида французъ—былъ моимъ сожителемъ по каютѣ. Спустя съ часъ, послѣ выѣзда изъ Одессы, мы перезнакомились, но съ иностранцами не надолго, потому что въ Константинополь всѣ они оставили пароходъ. Зато изъ числа русскихъ пассажировъ я встрѣтилъ одного, съ которымъ судьба свела меня на болѣе продолжительное время. Это былъ К. М. Ив—й, бывшій офицеръ, ѣхавшій въ Египетъ, а оттуда — въ Малую Азію для энтомологическихъ экскурсій. Мы разговорились, ознакомили другъ друга со своими предположеніями и рѣшили, пріѣхавши въ Александрію, совершить совмѣстно нѣсколько поѣздокъ въ странѣ фараоновъ. Я былъ очень обрадованъ этой встрѣчей, благодаря которой избѣгалъ скучнаго одиночества, что особенно важно въ первое время по выѣздѣ изъ отечества.

Свѣжій вѣтеръ, дувшій еще съ утра, покрѣпчалъ къ вечеру, разведя довольно большое волненіе въ морѣ; съ наступленіемъ темноты закачало; пассажиры разошлись по каютамъ очень рано, а мой сосѣдь-французъ уже давно лежалъ на своей койкѣ, страдая отъ качки.

Къ утру волненіе не только не уменьшилось, но усилилось и пассажиры весьма вяло принимались за утренній чай, уже съ 7 часовъ утра поданный въ столовой. Французъ страдалъ еще больше вчерашняго и своимъ болѣзненнымъ видомъ вызывалъ всеобщее участіе.

Послѣ полудня вѣтеръ утихъ, волненіе на морѣ улеглось и мы одинъ за другимъ начали выходить на палубу, чтобы не пропустить Босфора, въ который должны были войти около 2 часовъ дня. Однако, вслѣдствіе вѣтряной погоды, нашъ пароходъ сильно запоздалъ и лишь въ 6-мъ часу вечера мы были въ Босфорѣ.

Высокіе берега, покрытые турецкими деревушками, старыми укрѣпленіями, башнями и казармами тянулись по сторонамъ, постепенно погружаясь въ сумерки. Но вотъ

ближе къ Константинополю начали встрѣчаться и новыя укрѣпленія: земляные брустверы отчетливо обрисовывались на темномъ фонѣ береговъ, а за ними были видны каменные постройки, мрачныя и суровыя; орудія крупныхъ калибровъ взглядывали своими дулами изъ амбразуръ, какъ бы высматривая—не идутъ-ли изъ Чернаго моря враги? Вотъ слѣва на азіятскомъ берегу въ сумеркахъ обрисовалась земляная батарея, а рядомъ съ ней—карантинъ. Здѣсь пароходъ замедлилъ свой ходъ и спустил шлюпку съ помощникомъ капитана и 4 матросами, которые поѣхали на карантинъ прописывать судовой паспортъ для свободнаго пропуска.

Уже стемнѣло, когда мы подошли къ Константинополю, вошли въ бухту Золотого Рога и при помощи греческаго буксира стали на якорь. Такъ какъ турецкая таможня была уже закрыта, то пришлось дожидаться слѣдующаго утра, чтобы имѣть возможность сойти на берегъ.

По случаю мусульманскаго праздника Рамазана городъ былъ залитъ огнями, среди которыхъ особенно рѣзко выдѣлялись ярко-освѣщенная набережная передъ однимъ изъ султанскихъ дворцовъ—Дольма-Бахче и круговыя балкончики высокихъ минаретовъ мечетей. На азіятскомъ берегу блестяло многочисленными огнями Скутари, а у выхода изъ Босфора въ Мраморное море возвышалась прямо изъ воды, построенная на небольшой подводной скалѣ, башня Леандра, а рядомъ съ ней—маякъ, освѣщенный двумя красными фонарями.

Съ башней Леандра связана турецкая легенда о султанской дочери, укрывавшейся въ ней отъ предсказанной ей смерти отъ укушенія змѣи и тѣмъ не менѣе скончавшейся именно отъ этого: змѣя оказалась въ корзинѣ цвѣтовъ, присланныхъ ей отъ какого то влюбленнаго въ нее принца.

Около 9 часовъ вечера луна пыталась выглянуть изъ-за тучъ, густо покрывавшихъ небо, на минуту освѣтила своимъ мягкимъ серебристымъ свѣтомъ Константинополь и бухту, но тотчасъ же скрылась. Огни въ городѣ постепенно гасли, все кругомъ утихало и лишь слышенъ былъ неистовый лай собакъ, отчетливо доносившійся къ намъ изъ Стамбула.

Весь день 20-го января мы съ Ив-мъ рѣшили посвятить на ознакомленіе съ Константинополемъ. Рано утромъ, спустившись по трапу къ многочисленнымъ лодкамъ, шнырявшимъ уже съ восходомъ солнца вокругъ парохода, мы сѣли въ турецкую шлюпку, которая за 5 піастровъ (40 коп., свезла насъ къ таможенной пристани. Здѣсь насъ немедленно же принялъ въ свое вѣдѣніе какой-то пожилой господинъ еврейскаго типа, говорившій по русски и указавъ намъ куда и кому слѣдуетъ предъавлять свои паспорта). Прямо съ пристани мы вошли въ деревянный сарай со сквознымъ проходомъ, въ которомъ сидѣли два турецкіе чиновника, принимавшіе паспорта и дѣлавшіе въ нихъ отмѣтки. Когда мы вышли на набережную Золотого Рога господинъ еврейскаго типа вручилъ намъ свою визитную карточку, на которой было прописано по англійски, что онъ, Joseph Jacob, говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ и затѣмъ предложилъ сопровождать насъ по городу, обѣщая за 4 рубля показать намъ всѣ достопримѣчательности столицы Падшаха. Мы согласились и тотчасъ же направились въ мѣстное агентство русскаго общества пароходства и торговли, находящееся по сосѣдству съ таможенной пристанью, чтобы отправить свои письма въ Россію.

Русское общество пароходства и торговли имѣетъ на своихъ заграничныхъ линіяхъ собственныя почтовые учрежденія при своихъ агентствахъ; корреспонденція, отправляемая черезъ эти учрежденія, оплачивается особыми марками 10 копѣчнаго достоинства съ надписью „восточная корреспонденція“.

Не знаю исправна-ли вообще доставка этой „восточной“ корреспонденціи, но могу лишь сказать, что единственные письма не полученные моими родственниками и знакомыми за время моихъ восьмимѣсячныхъ скитаній по Архипелагу, Египту, Индіи, Кашмиру, Ладаку и Кашгаріи, были именно письма, отправленные мною изъ Константинополя въ почтовомъ отдѣленіи мѣстнаго агентства.

Приступая къ осмотру Константинополя, мы первымъ дѣломъ направились въ турецкую часть города, въ Стамбуль, гдѣ только и можно получить настоящее представленіе о столицѣ Османовъ. Здѣсь находится центръ тяжести жизни

турецкаго населенія, здѣсь ощущается бѣненіе ея пульса, здѣсь имѣются въ изобиліи краснорѣчивыя свидѣтельства мусульманскаго владычества къ Царьградѣ—многочисленные мечети, среди коихъ древняя византійская Софія господствуетъ надъ всѣми.

Мы прошли по набережной къ мосту, соединяющему Стамбуль съ сосѣднимъ кварталомъ Константинополя, называемымъ Галатой. Мостъ перекинутъ черезъ узкую часть Золотого Рога, онъ деревянный, разводной для прохода судовъ, довольно ветхій и содержится весьма плохо. За переходъ черезъ мостъ взимается съ каждаго проходящаго или проѣзжающаго по 10 паръ ($\frac{1}{4}$ часть турецкаго піастра или 2 коп.) ⁽¹⁾, что вслѣдствіе весьма оживленнаго на немъ движенія, даетъ, говорятъ, весьма солидную сумму въ теченіе года.

Прямо противъ моста, по другую его сторону, возвышается построенная матерью султана Магомета IV, мечеть Султанъ-Валидѣ, первое, что встрѣчаетъ человѣкъ, вступая на землю Стамбула; за ней видна величественная Софія, высокіе минареты которой, возвышаясь по угламъ, сторожатъ этотъ древній памятникъ христіанства. Уже на мосту мы были охвачены уличной жизнью Стамбула; въ обѣ стороны двигалась пестрая, шумная толпа пѣшеходовъ, поминутно встрѣчались нагруженные мѣшками, ящиками и тюками лошади и ослы, подгоняемые крикливыми погонщиками, въ толпѣ лавировали разношники, громко выкрикивая по-турецки названія и цѣнность своихъ товаровъ, изрѣдка проѣзжали въ ту или другую сторону парныя извозицы коляски, заставляя толпу разступаться и приводя въ смятеніе вереницы вьючныхъ животныхъ.

Вступая въ Стамбуль, попадаешь въ чисто азійскій, грязный и непривѣтливый городъ. Ничто не напоминаетъ здѣсь о томъ, что находишься въ Европѣ; глубоко пропитанные фанатизмомъ Ислама, турки принесли сюда, на развалины Византіи, духъ и оригинальную обстановку востока, ничего не измѣнивъ въ послѣдней въ теченіе нѣсколькихъ

⁽¹⁾ Турецкій меджидіе—серебряная монета величиной съ нашъ рубль—дѣлится на 20 піастровъ (серебряная монета), піастръ дѣлится на 40 паръ (мѣдная монета); піастръ равенъ 8 коп.

вѣковъ непосредственнаго сосѣдства съ европейской культурой.

Стамбуль состоитъ изъ многочисленныхъ, кривыхъ, узкихъ и грязныхъ улицъ, застроенныхъ невысокими, частью каменными, а частью деревянными домами азіятской архитектуры; улицы пересѣкаются подъ всевозможными углами, образуя мѣстами небольшія площади, плохо мощены и то поднимаются, то опускаются, сильно утомляя обозрѣвающего городъ. Какъ во всѣхъ азіятскихъ городахъ, на нихъ сосредоточивается жизнь городского населенія, проводящаго весь день на улицахъ, чему способствуетъ и мягкій климатъ благодатнаго юга. Всѣ торговыя заведенія, мастерскія, съѣстные лавки—все здѣсь на воздухѣ, заполняя своими произведеніями, товарами и рабочими узкія панели, трудно проходимыя для пѣшеходовъ. Все это открыто настежь, плохо, а иногда и совсѣмъ не приспособлено къ запиранію и все это смѣшивается съ уличной толпой и съ торгующими по улицѣ разнощиками. Вотъ большая мясная лавка; торговецъ развѣсилъ кровавыя мясныя туши на палкахъ, далеко выступающихъ на улицу и нужно проходить здѣсь съ особенной осторожностью, чтобы не задѣть плечомъ или шляпой за синне-красные куски мяса; нѣсколько дальше турокъ-цирульникъ брѣветъ соотечественника на порогѣ своего заведенія, еще дальше по обѣ стороны улицы разложили свои инструменты и произведенія лудильщики, сапожники, корзинщики и многіе другіе ремесленники. Все это шумитъ, разговариваетъ, перекликается, торгуется и ругается...

Характерной особенностью Стамбула является необыкновенное обиліе собакъ, которыя встрѣчаются буквально у каждаго дома; въ большинствѣ случаевъ худыя, съ сѣрожелтой шерстью, похожія на волковъ, онѣ или лежатъ свернувшись клубкомъ на панеляхъ передъ домами, или копаются въ мусорныхъ ямахъ, отыскивая себѣ пропитаніе, котораго, вѣроятно, не получаютъ другимъ путемъ. Несомнѣнно, что онѣ единственные санитары Стамбула. Любопытно смотрѣть на нихъ, когда по сосѣдству появляется уличный разнощикъ съ мясными продуктами, который несетъ на длинномъ шестѣ, перекинутомъ подобно коромыслу черезъ плечо, свѣшивающіяся внизъ внутренности, сбываемыя бѣднѣйшему

населенію. Какъ только разнощикъ остановится на минуту передъ домомъ, чтобы предложить кому нибудь свой дешевый товаръ, отъ всѣхъ сосѣднихъ домовъ быстро сбѣгаются собаки и, ставши вокругъ торговца, умильно посматриваютъ на свѣжіе потрохи, поднявши свои острые морды. Однако, эти четвероногіе жители Стамбула отличаются весьма добрымъ нравомъ и даже по отношенію къ уличнымъ разнощикамъ мяса не проявляютъ грабительскихъ наклонностей, которыхъ легко можно-бы было ожидать отъ нихъ, принявши во вниманіе скудость ихъ пищи.

Колесное движеніе въ Стамбулѣ весьма незначительно; какихъ либо мѣстныхъ, туземныхъ повозокъ я здѣсь не видѣлъ, а городскіе извозчики имѣютъ европейскія парныя коляски, запряженные малорослыми, но крѣпкими лошадьми. По нѣкоторымъ улицамъ проходитъ городской трамвай съ конной тягой, вагоны котораго не привлекаютъ къ себѣ своимъ неопрятнымъ, неряшливымъ видомъ.

Осмотръ достопримѣчательностей Стамбула мы начали съ оттоманскаго имперскаго музея (Musée Imperial Ottoman), извѣстнаго своими древностями, вывезенными изъ Малой Азіи и Египта. По узкимъ грязнымъ улицамъ турецкаго города мы добрались до его наиболѣе возвышеннаго мѣста, гдѣ среди небольшого запущеннаго сада стоитъ музей, состоящій изъ двухъ зданій—старого и новаго. Рядомъ съ музеемъ находится археологическая школа.

Для того, чтобы попасть въ музей, нужно пройти ворота въ каменной стѣнѣ, окружающей ту возвышенность, на которой онъ расположенъ. У воротъ находится будка, а въ будкѣ находился въ то время турецкій часовой въ тулупѣ, мало напоминавшій своимъ видомъ солдата; подобная же будка съ часовымъ находится и у зданія музея. Хотя турецкіе часовые стояли и съ ружьями, но сильно напомнили мнѣ нашихъ петербургскихъ дворниковъ, дежурящихъ у воротъ.

Заплативши нѣсколько піастровъ за входъ молодому турку, выдававшему билеты, мы вступили въ музей. Я не стану описывать всѣхъ этихъ египетскихъ, ассирійскихъ, вавилонскихъ, македонскихъ, греческихъ и прочихъ древностей, которыя наполняютъ собой огромныя залы музея,